

Юлиус Эвола, глава из книги “Люди и руины”

(Julius Evola, “Gli Uomini e le Rovine” 1953)

Революция. Контрреволюция. Традиция.

В наши дни различные силы пытаются оказать сопротивление крайним формам современного хаоса, действующим в общественно-политической области. Важно понять, что эти усилия окажутся тщетными, — даже как простая демонстрация сил, — если будут нацелены лишь на поверхностные проявления болезни, а не на сами ее корни, то есть — в рамках того исторического отрезка, которым ограничено наше исследование — те подрывные силы, которые были приведены в действие европейскими революциями 1789 и 1848 гг. Необходимо научиться различать эту болезнь во всех ее формах и на любой стадии развития. Однако основная проблема — в том, остались ли еще люди, способные решительно порвать со всеми идеологиями, политическими и партийными группировками, чье возникновение прямо или косвенно связано с идеями, развитие которых ведет от либерализма и демократии к марксизму и коммунизму. Если такие люди еще сохранились, им необходимо дать в качестве ориентира твердую основу в виде общего мировоззрения и строгой и ясной доктрины государства.

Здесь в качестве лозунга естественно напрашивается понятие «контрреволюции». Однако революционные корни нынешней ситуации остались в далеком прошлом и почти забыты; подрывные силы укоренились в большинстве ныне действующих институтов столь глубоко, что кажутся уже чем-то само собой разумеющимся и естественным. Поэтому этот лозунг применим лишь к тем последним этапам, на которых мировые подрывные силы выступали под личиной революционного коммунизма. В связи с этим представляется более уместным использовать другой лозунг: реакция.

Отсутствие страха признать и, стало быть, провозгласить себя реакционером является своего рода пробным камнем. С давних пор левые круги сделали слово «реакция» синонимом всяческого беззакония, бесчестья и позора; они не упускают ни малейшей возможности заклеить «реакционными» те силы, которые не желают участвовать в их игре и плыть по течению, в чем, по мнению левых, и состоит «смысл Истории».

Но если для последних это естественно, совершенно иначе дело обстоит в том случае, когда это определение вызывает страх у представителей так называемых правых партий или «национальной оппозиции», страдающих отсутствием политического, интеллектуального или даже просто физического мужества. Будучи обвиненными в «реакционности», они начинают яростно протестовать, оправдываться, почитая себя обязанными доказывать, что эти обвинения не соответствуют действительности.

Вместо этого им стоило бы задуматься над следующим: пока наши противники «действуют», способствуя продвижению подрывных сил, можем ли мы позволить себе не «противодействовать», не реагировать, довольствуясь безмятежным созерцанием происходящего и приговаривая: «молодцы, продолжайте», тем самым играя им на руку? С исторической точки зрения можно лишь пожалеть, что «реакция» не возникла тогда, когда болезнь была только в зародыше и ее можно было устранить, выжигая каленым железом основные очаги заразы, что избавило бы европейские нации от невиданных бедствий. Однако все прежние усилия оказались половинчатыми или малодейственными, им недоставало ни нужных людей, ни соответствующих средств и доктрины. Следовательно, сегодня должен возникнуть новый, непримиримый фронт, с четким делением на друзей и врагов. Если еще не все потеряно, то будущее принадлежит вовсе не тем, кто готов довольствоваться расплывчатыми и путанными идеями, преобладающими сегодня в кругах, не желающих открыто причислить себя к левым. Будущее принадлежит тем, кто имеет мужество занять радикальную позицию — позицию «абсолютных отрицаний» и «высших утверждений», по выражению Д. КОРТЕСА.

Несомненно, слово «реакция» само по себе имеет некий отрицательный привкус: кто реагирует, сопротивляется — тот не владеет инициативой, поскольку реакция вызывается необходимостью обороны или полемики против того, что сумело утвердиться в действительности. Поэтому внесем некоторые уточнения. Мы не должны ограничиться лишь отражением ударов, нано-

симых противником; необходимо выдвинуть взамен собственную положительную систему ценностей. Двусмысленность, заложенная в понятии «реакция», исчезнет, если мы свяжем его с идеей «консервативной революции», подчеркивающей динамическую составляющую, то есть «революцию». Однако в данном сочетании последнее слово утрачивает свое прежнее значение насильственного ниспровержения законно установленного порядка и подразумевает действие, направленное на устранение хаоса, некогда пришедшего на смену прежнему порядку, и на восстановление нормальных условий. Уже ДЕ МЕСТР подчеркивал, что в данном случае речь идет не столько о «контрреволюции» в узком и спорном значении этого слова, сколько о действии, «обратном революции», то есть положительном и обращенном к истокам. Причудливая судьба слов: «революция» в своем изначальном этимологическом смысле и не означает ничего иного; она происходит от *re-volvere*, субстантива, который выражает движение, возвращающее к собственному истоку, к отправной точке. Поэтому для победы над современным миром именно из истоков следует черпать «революционную» и обновляющую силу.

Однако, используя идею «консервации», «сохранения»¹ («консервативная революция»), необходимо соблюдать осторожность. Согласно тому, как толкуют это понятие левые, сегодня называть себя «консерватором» почти столь же небезопасно, как и «реакционером». Поэтому прежде всего следует уточнить, что именно мы намерены «сохранять», поскольку из ныне существующих социальных структур и общественного уклада мало что этого достойно. Это почти безоговорочно относится к Италии; то же самое можно сказать и об Англии и Франции; лишь странам Центральной Европы буквально до последнего времени удавалось сохранить отдельные остатки высших традиций. Не случайно понятие «консервативная революция» зародилось после Первой мировой войны в определенных кругах Германии, которые могли почерпнуть необходимые идеи в своем сравнительно недавнем историческом прошлом². Кроме того, нельзя не признать некоторой доли истины в нападках, которым подвергают консерваторов левые силы, обвиняющие их в том, что последние защищают не столько высшие идеи, сколько

интересы определенного экономического класса, класса капиталистов, отчасти организованного и политически, который стремится увековечить в собственных интересах режим привилегий и социальной несправедливости. Поэтому для левых не составило особого труда смешать в одну кучу консерваторов, «реакционеров», капиталистов и буржуа. Тем самым они — говоря языком артиллеристов — создали «ложную цель»; причем эта тактика сохранилась почти без изменений с тех пор, когда передовые отряды мировых подрывных сил еще не сменили знамена либерализма и конституционализма на стяги марксизма-коммунизма. Действенность подобной тактики привела к тому, что прежние консерваторы, подобно нынешним, — не считая несомненно высшего, но узкого слоя, — начали принимать близко к сердцу преимущественно свое общественно-политическое положение и материальные интересы определенного класса или сословия, вместо того чтобы решительно отстаивать высшее право, достоинство, безличное наследие ценностей, идей и принципов. Именно в этом заключалась их основная слабость.

Сегодняшние «консерваторы» скатились еще ниже, поэтому та «консервативная» идея, которую мы намереваемся отстаивать, не только не должна иметь никакого отношения к классу, который практически занял место прежней аристократии, а именно к капиталистической буржуазии, носящей характер исключительно экономического класса, — но должна решительно противостоять ему. В «революционной» защите и «сохранении» нуждается общая концепция жизни и государства, основанная на высших ценностях и интересах, превышающих уровень экономики, а вместе с ним все, что поддается определению в понятиях экономических классов. По отношению к этим ценностям конкретные формы государственной организации, учреждения, обусловленные историческими обстоятельствами, являются лишь следствием, второстепенным, а не основополагающим элементом. При подобном подходе левая полемика, направленная на «ложную цель», оказывается совершенно бесплодной.

Одновременно становится понятно, что речь идет не об искусственном и принудительном продлении жизни тех частных форм, которые существовали в прошлом, но исчерпали свою силу и отжили свой век. Для истинного революционного консерватора вопрос состоит в сохранении верности принципам, а не учреждениям и устоям прошлого, которые являются лишь част-

¹ От лат. *conservative* — сохранять, (прим, перев.)

² См. прекрасное, хорошо документированное исследование: А. МОHLER, *Die konservative Revolution in Deutschland 1918-1932* (Stuttgart, 1950).

ными формами их выражения, меняющимися в зависимости от конкретных обстоятельств и конкретной страны. Эти частные формы преходящи и изменчивы, поскольку зачастую связаны с исторически невозпроизводимыми обстоятельствами, тогда как соответствующие принципы неизменно сохраняют свое значение, обладая вечной актуальностью. Из высших принципов, как из зерна, могут прорасти новые формы, по сути своей равноценные старым, что позволит при переходе от одних к другим — даже «революционным» путем — сохранить преемственность независимо от изменения социально-исторических и культурно-экономических факторов. Для обеспечения этой преемственности следует, не отступая от принципов, при необходимости отбросить то, что уже отжило свой век, дабы при наступлении кризисных или переломных времен не метаться в беспорядочных поисках новых идей, впутываясь в различные авантюры. В этом суть подлинного консерватизма, где охранительный и традиционный дух сливаются воедино. В своем истинном живом понимании традиция не имеет ничего общего с покорным конформизмом по отношению к бывшему или инертным продлением прошлого в настоящее. Традиция по сути своей метаисторична и одновременно динамична; это общая упорядочивающая сила, которая действует исходя из принципов, имеющих высшее узаконение (если угодно, можно даже сказать: из принципов, данных свыше), на протяжении поколений сохраняя духовную преемственность и проявляя себя в самых разнообразных институтах, законах, формах государственного устройства, могущих иметь значительные различия между собой. Заблуждается тот, кто отождествляет или путает эти формы, принадлежащие относительно далекому прошлому, с самой традицией.

Таким образом, методологически для нахождения точек отсчета всякую конкретную историческую форму следует рассматривать исключительно как образец и относительно точное воплощение на практике определенных принципов. Это вполне обоснованный подход, сравнимый с переходом в математике от дифференциалов к интегралам. В этом случае нет речи ни об анахронизме, ни о «регрессии», поскольку ничто не становится «идолом», ничто не «абсолютизируется» — кроме принципов, которые абсолютны уже по самой своей сути. Ведь нелепо обвинять в анахронизме человека, отстаивающего определенные духовные добродетели, лишь на том основании, что этими добродетелями отличалось некое историческое лицо, жив-

шее в далеком прошлом. Как говорил ГЕГЕЛЬ, «речь идет о распознавании за временными и преходящими видимостями субстанции, которая имманентна, и вечного, которое актуально».

Исходя из этого, становятся понятными основные предпосылки, характерные для двух противоположных складов мышления. Революционно-консервативному или консервативно-революционному мышлению не требуется доказательств того, что для высших ценностей, для основополагающих принципов всякой здорового и нормального строя (каковыми являются принципы истинного Государства, *imperium* и *auctoritas*, иерархии, справедливости; функциональных классов и категорий ценностей; политического уровня как порядка, превосходящего общественно-экономический уровень, и т.п.) не существует перемен, не существует становления. В области этих принципов и ценностей истории не существует, и рассматривать указанные ценности и принципы с исторической точки зрения нелепо, ибо они по сути своей имеют нормативный характер. Это означает, что на общественно-политическом уровне они обладают тем же качеством, каковое присуще ценностям и принципам абсолютной морали на уровне индивидуальной жизни. Это императивные принципы, которые требуют прямого внутреннего признания (последнее является существенным признаком, отличающим одну категорию людей от другой) и не теряют своей ценности, если некто, вследствие слабости или под влиянием неподвластных ему сил, не смог их реализовать или сумел сделать это лишь частично и не во всех сферах своего существования; ибо пока он внутренне не отрекся от них, даже в отчаянии и унижении, это признание не становится меньшим. Той же природой обладают отстаиваемые нами идеи, которые Вико назвал бы «естественными законами вечной республики, которые меняются в зависимости от времени и страны». Даже когда эти принципы воплощаются в исторической действительности, последняя никоим образом не обуславливает их, поскольку они отсылают всегда к высшему, метаисторическому уровню, родному для них, на котором, повторим это вновь, изменений не происходит. Так следует понимать те идеи, которые мы называем традиционными.

Прямо противоположна основная предпосылка, на которой строится мышление революционера. Для последнего истина — историзм и эмпиризм; в самом царстве духа правит становление; все обусловлено и выковано временем и эпохой. Все принципы, системы и нормы зависят от того времени, когда они обрели свой исто-

рический облик под воздействием окружающих и чисто человеческих причин: физических, социальных, экономических, иррациональных и т.п. В самой крайней и «передовой» форме этого искаженного мышления фактором, причиной, реально определяющими любую структуру и все, что имеет видимость автономной ценности, являются обстоятельства, сопутствующие различным производительным силам и развитию средств производства, с вытекающими отсюда социально-экономическими следствиями.

В дальнейшем мы более подробно рассмотрим историзм, который упоминаем здесь лишь дабы подчеркнуть основополагающее различие предпосылок, без признания коего все дальнейшие рассуждения бесполезны. Эти две концепции столь же непримиримы, как и соответствующий им образ мышления. Одна — истина революционного консерватора и любого движения, которое на собственно политическом плане носит подлинно правый характер; другая — миф мировой крамолы, лежащий в основе всех форм проявления подрывных сил, как крайних, так и сравнительно умеренных.

Вышеизложенные соображения, касающиеся метода и смысла, будучи проиллюстрированы историческими примерами, представляют также практический интерес. Действительно, не всем нациям удалось сохранить неразрывную живую традиционную преемственность, которая помогла бы отыскать в конкретных политических формах настоящего или относительно недавнего прошлого необходимые идеи. В соответствии с указанным методом, иногда в случае нарушения этой преемственности для нахождения соответствующих самоценных идей имеет смысл обратиться к более древним временам. В частности, таковым должен быть подход к истории Италии. Мы уже ставили вопрос о том, что, собственно, «достоинно» сохранения» в современной Италии. В нашей стране нет основы в виде политических форм традиционного прошлого, которые сохранились бы в достаточно чистом виде. Одна из причин этого в том, что, в отличие от большинства крупных европейских стран, в Италии не существовало непрерывной и единообразной гражданской формации, связанной с символом, династической и политической властью. Не осталось и прочного идейного наследия, пусть даже хранимого единицами, позволяющего осознать совершенную чужеродность, неестественность и порочность всего связанного с идеологиями, утвердившимися с Французской революцией. Напротив, именно подобного рода идеологии в том или ином виде способствовали объе-

динению страны, возобладали в единой Италии, и по завершении кратковременного фашистского периода вновь обрели силу в своих самых крайних формах. Налицо определенный пробел, вакуум, и поэтому для Италии обращение к принципам, которые мы определили как традиционные, должно носить скорее идеальный, нежели исторический характер. Следовательно, даже обращаясь к конкретным историческим формам, их следует рассматривать лишь как простые средства для восполнения пробела, которые тотчас останутся в прошлом, поскольку целью являются исключительно идеи. От древнего Рима или средневекового мира (в его отдельных положительных аспектах) нас отделяет слишком большая историческая дистанция, чтобы это обращение могло бы иметь какой-либо иной смысл, кроме указанного.

Впрочем, с определенной точки зрения подобная ситуация имеет и свои преимущества. Если новое движение пожелает использовать указанные идеи, то оно вынуждено будет взять их в практически чистом виде, без исторических наслоений. Италия не имеет того преимущества, как некоторые (главным образом центрально-европейские) государства, где еще до недавнего времени сохранялось то, что могло бы стать остаточной положительной исторической основой или послужить предпосылкой консервативной революции. Но положительной стороной неблагоприятного положения Италии является то, что если движение, о котором идет речь, состоится, оно будет абсолютным и радикальным. Именно отсутствие у нас материальной опоры в виде еще живого традиционного прошлого, воплощенного в конкретные и покуда действенные исторические формы, позволяет надеяться на то, что консервативная революция в Италии станет прежде всего духовным явлением, основанным на чистой идее. Впрочем, поскольку современный мир все стремительнее обращается в руины, вероятно, в сравнительно короткий срок подобный подход восторжествует повсюду. Иначе говоря, станут совершенно очевидны как бесплодность опоры на остатки более нормального строя, связанные с различными отрицательными историческими событиями, так и необходимость обращения к более глубоким истокам, дабы, опираясь на них, как на нечто превосходящее исторический уровень, здоровыми силами встать на путь возрождающей и карающей реакции.

Возможно, имеет смысл добавить еще одно краткое замечание по поводу понятия «революция», взятого в более узком смысле, а именно в

связи со склонностью различных кругов современной национальной оппозиции называть себя «революционными». Впрочем, эта тенденция проявилась уже в движениях недавнего прошлого, о чем свидетельствует разнообразие таких названий, как «фашистская революция», «революция Коричневых Рубашек», «революция порядка» (Салазар в Португалии) и т.п. Естественно, сразу возникает вопрос: революция против кого? Революция во имя чего? Но, даже оставляя в стороне эти вопросы, нельзя забывать, что всякое слово обладает душой и, следовательно, необходимо позаботиться о том, чтобы неосознанно не попасть под ее влияние. Мы ясно изложили нашу точку зрения, согласно которой о «революции» можно говорить лишь в относительном значении — используя гегелевскую терминологию, как об «отрицании отрицания» — подразумевая наступательное движение против того, что имеет отрицательный характер, совокупность насильственных или ненасильственных изменений, нацеленных на восстановление нормального порядка вещей. Это похоже на человека, который поднимается на ноги после падения, или на организм, избавляющийся от выродившихся клеток, чтобы остановить процесс развития раковой опухоли. Однако важно, чтобы сокровенная душа слова «революция» не повлияла на тех, кто не принадлежит к левым, сбив их с правильного пути, когда они стремятся провозгласить себя революционерами в ином, кроме указанного нами здесь, смысле, — смысле в некотором роде положительном.

В этом случае существует реальная опасность более или менее неосознанно принять основные предпосылки, близкие тем, из которых исходит противник; согласиться, что «история идет вперед», что для создания нового и отыскания новых принципов нужно смотреть в будущее. Тогда «революция» становится одним из аспектов движения вперед, которое включает в себя также точки разрыва и переворота. Некоторые думают, что благодаря этому «революционность» обретает высшее достоинство и большую притягательность как миф. Но на самом деле это уступка, так как в этом случае довольно легко, даже не заметив, оказаться жертвой прогрессистской иллюзии, согласно которой все новое является чем-то большим и лучшим по сравнению с предшествовавшим ему.

Известно, что единственным основанием прогрессизма является мираж технической цивилизации, завораживающий своими неоспоримыми материально-индустриальными достижениями тех, кто упускает из виду их отрицательную

изнанку, проявляющуюся в куда более важных и значительных областях существования. Тот, кто не покоряется торжествующему сегодня материализму, для кого существует лишь одна область, где законно говорить о прогрессе, будет избегать всякого пути, тем или иным образом отражающего современный миф прогресса. В древности идеи были ясны: для обозначения подрывных сил в латыни использовали не слово *revolutio* (которое, как мы говорили ранее, имело совершенно иной смысл), но другие понятия, такие как *seditio*, *eversio*, *civilis perturbatio*, *rerum publicarum commutatio*³ и т.д.; для выражения современного значения слова «революционер» прибегали к описательным выражениям типа *rerum novarum studiosus* или *fauter* (тот, кто стремится к «новому» и является его поборником); «новое» же для традиционного древнеримского мышления было равнозначно чему-то отрицательному, разрушительному.

Таким образом, в том, что касается «революционных» стремлений, во избежание недоразумений необходимо сделать выбор между двумя вышеуказанными противоположными позициями, которые выражаются двумя равно противоположными стилями. Действительно, по одну сторону стоят те, кто признает существование нетленных принципов основой всякого истинного порядка и, твердо придерживаясь их, не позволяет увлечь себя событиями; те, кто не верит ни в «историю», ни в «прогресс» как в мистические сверхъестественные сущности и стремится обуздать окружающие силы, вернув их к высшим, незыблемым формам. Именно это означает для таких людей «не отставать от жизни». По другую сторону стоят те, кто, родившись лишь вчера, не имеет за собой ничего, верит лишь в будущее и с головой погружается в безосновательные, эмпирические и непродуманные действия, обманываясь относительно своей способности управлять событиями, не зная и не признавая ничего превосходящего материальный и событийный уровень, выдумывая одну систему за другой — что никогда не приводит к истинному порядку, но порождает лишь относительно сдерживаемый и частично управляемый хаос. По зрелому размышлению именно эту сторону занимают приверженцы «революции», если они не служат прямым орудием подрывных сил. Отсутствие принципов они подменяют мифом будущего, которым пытаются оправдать и освятить недавние разрушения, ссылаясь на то, что

³ (лат.) возмущение, подрыв, гражданские волнения, публичные потрясения. (прим. перев.)

они якобы были необходимы для продвижения вперед, для достижения чего-то лучшего и небывалого, в чем, однако, крайне сложно уловить что-либо положительное. Учитывая все вышеизложенное, следует пристально изучить собственные «революционные» устремления, четко понимая, что довольствоваться лишь возвращением этих устремлений в их законные границы значило бы ограничиться только уровнем разрушительного действия. Тот же, кто действительно сумел выстоять, находится на более высоком уровне. Для подобных людей лозунгом скорее станет Традиция в указанном динамическом аспекте. Как уже отмечалось, независимо от изменения обстоятельств, наступления переломных времен, вступления в игру новых сил, падения последних преград, сдерживающих силы хаоса, такие люди сохраняют хладнокровие, способны отступить с уже потерянных позиций ради того, чтобы сохранить в неприкосновенности основное, умеют перейти в наступление, беспристрастно выбирая формы, более пригодные в новых обстоятельствах, и добиться с их помощью победы, при этом восстановив или сохранив нематериальную преемственность, избегая всяких необоснованных и авантюрных действий. Такова задача, таков стиль истинных повелителей истории, более мужественный и резко отличающийся от обычного «революционного» стиля.

В завершение наших рассуждений рассмотрим частный случай применения вышеизложенных идей. Поскольку, как уже говорилось, Италии не достает истинно «традиционного» прошлого, сегодня многие, пытаясь дать отпор передовым отрядам мировой крамолы, в поисках конкретной исторической опоры обращаются к принципам и учреждениям фашистского периода. Однако никогда не следует упускать из виду следующий основной принцип: если еще имеет смысл отстаивать сегодня «фашистские» идеи, то их следует защищать не как собственно «фашистские», но постольку и настолько они в частной форме выражали и утверждали высшие идеи, предшествующие фашизму; идеи, которые обладают вышеупомянутым характером «постоянных» величин и, следовательно, могут считаться неотъемлемой частью великой европейской политической традиции. Приверженность же подобным идеям по иным соображениям, то есть вследствие их «революционности», своеобразности и принадлежности собственно к «фашизму» приводит к их умалению, приспособлению к ограниченной точке зрения, и к тому же затрудняет необходимую работу по разграничению.

Ибо тому, для кого все начинается и заканчивается «фашизмом», чей горизонт ограничен полемикой между «фашистами» и «антифашистами», кто не ведает иных ориентиров, довольно сложно провести различие между высочайшими и лучшими устремлениями итальянского мира недавнего прошлого и теми довольно многочисленными его сторонами, которые до той или иной степени сами были подвержены тем же недугам, против которых сегодня необходимо бороться⁴.

Поэтому если в ходе дальнейшего исследования мы и будем ссылаться на идеи, за которые вчера сражались в Италии или Германии, это всегда будет происходить в уже указанных революционно-традиционных рамках, не забывая сводить к минимуму конъюнктурные ссылки на прошлое и выдвигать на первый план принципы, обладающие чисто идеальным и нормативным содержанием независимо от их причастности к тому или иному конкретному периоду или движению.

⁴ Мы постарались внести свой вклад в эту работу по разделению положительного от отрицательного в фашизме в нашей книге: *Il Fascismo — Saggio di una analisi critica dal punto di vista della Destra* (Volpe, 2a ed., Roma, 1970).